

Т.П. Буслакова

«Письмо матери» <1924>

«Осеннее» настроение в лирике Есенина конца 1920-х годов связано с мотивом подведения итогов, переосмысления прошлого. На новом этапе в образе лирического героя вновь появляются черты песенного «доброего молодца», только теперь песня становится разбойной или «панихидной». В воспоминаниях нет ни тени приукрашивания, о своих «потерях» лирический герой рассказывает с обнажающей все тайники души прямоотой и искренностью.

Пытаясь найти причины разочарований, лирический герой возвращается мыслью к истокам — «рязанскому небу» и «песне былой».

В «Письме матери» с образом матери у лирического героя связывается «старое», к чему «возврата больше нет». «Ветхость» подчеркнута аллитерациями на глухие согласные:

Ты жива еще, моя старушка?

...

Пусть струится над твоей избушкой...

...

Пишут мне, что ты, тая тревогу,

Загрустила **шибко** обо мне,

Что ты часто ходишь на дорогу

В старомодном ветхом **шушуне**...

Три начальные строфы представляют собой первую часть стихотворения, обрисовывающую адресата обращения лирического героя. Эта часть выделяется интонационными средствами: вопрос, приветствие (восходящая интонация) и развернутый ответ (нисходящая). В начале четвертой строфы звучит восклицание, начинающее вторую, центральную часть, в которой рассказывается о настоящем. У него есть внешняя характеристика, узнав о которой, «грустит» мать, и внутренняя, известная только герою. Рассказать о ней он может только родному человеку, перед которым не нужны пафос и рисовка для того, чтобы признаться в слабостях и горьком осознании неудач. В словах утешения, обращенных к матери, слышна автореминисценция. В есенинском стихотворении «Все живое особой метой...» (1922) лирический герой, находя истоки «дерзкой силы», пролившейся на «золотую словесную грудку» его стихов, восклицает:

Как тогда, я отважный и гордый,

Только новью мой брызжет шаг...

Если раньше мне били в морду,

То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,

А в чужой и хохочущий сброд:

«Ничего! Я споткнулся о камень,

Это к завтраму все заживет!»

В «Письме матери» сходное выражение («Ничего, родная!..») звучит по-иному, так как обрисован разговор не «мальчишки» с «испуганной мамой», а зрелого человека с той, что научила его главным жизненным ценностям. Ей он рассказывает о том, что его мучает «тоска мятежная», разочарование в том, что «не сбылось», одиночество, безверие. Он испытал «Слишком раннюю утрату и усталость» (ассонансный звук «у» подчеркивает смысл высказывания — тягостное ощущение неудавшейся жизни).

Не надеясь вернуть былое, лирический герой подводит итог своих «восьми лет». Мечты, вера, надежды — все осталось в «низеньком доме», в юности, «на рассвете». Но

жизнь не погасила «несказанный свет» в его душе, он «по-прежнему такой же нежный» (значение эпитета подчеркнуто подготавливающим его звуковым повтором), любящий, мечтающий «только лишь о том», чтобы «скорее» вернуться из «мрака» в «белый сад».

Две последние строфы стихотворения, начиная с восклицания «Не надо!», представляют собой ответ на вопрос, «заживет» ли такая рана. «Камень», о который «споткнулся» лирический герой «Письма...», — это зло, «мрак» мира. Проблематика стихотворения приобретает нравственно-философский характер, благодаря образу дороги, композиционно обрамляющему текст, имеющему как конкретный, так и метафорический смысл. Для героя закончился жизненный этап («К старому возврата больше нет»), «мятежный» и «горький», но необычайно важный для формирования его взглядов.

Мотив выбора пути проявляет реминисцентный фон стихотворения. Помимо блоковского «О, я хочу безумно жить...» (1914), в нем слышны отзвуки «Элегии» Пушкина (1830). Как и у Блока, в «Письме...» Есенина героя лишает сил «тягостная бредь» жизни (у Блока: «...душит жизни сон тяжелый...», «...задыхаюсь в этом сне...»). Не случайно матери «часто видится» его смерть:

Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож...

Однако разочарования и потери не умаляют в нем жажды жизни. Перефразируя пушкинское «Но не хочу, о други, умирать...», он поначалу выражает свое горячее желание под маской сарказма в иронической отговорке:

Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть...

Но в дальнейших строфах оно выражается все более настойчиво («...мечтаю только лишь о том, // Чтоб... // Воротиться...», «Я вернусь...», «...забудь же про свою тревогу...»). Так же, как у Пушкина, познание темных сторон жизни для лирического героя Есенина не заслонило ее «наслаждений» («отрады»). У обоих поэтов они понимаются не как приметы внешнего благополучия, а как «несказанный свет» духовных ценностей. Для есенинского героя это способность души к любви и сопереживанию, неразрывная связь с родной землей — «низеньким... домом» в «белом саду».

Философским итогом «Письма...» становится возвышение личности в ее попытках противостоять судьбе, сохраняя верность идеалам юности. Продолжая традицию воплощения в русской литературе размышлений поэтов о своем «пути» в его соотношении с временем и вечностью, Есенин утверждает на новом этапе необходимость «чувств добрых» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» Пушкина) как «сокрытого двигателя» («О, я хочу безумно жить...» Блока) творчества.